

въ томъ смыслѣ, въ какомъ о ней говорятъ субъективные историки, но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что при известнѣхъ условіяхъ великой личности, — точнѣе, отдѣльной, ибо „величіе“ понятіе относительное и скорѣе этическое, чѣмъ историческое — удается очень многое сдѣлать въ исторіи. Маркъ поэтому поводу писалъ: „необходимо объяснить, какъ могутъ націю въ 36 милліоновъ огорошить и отвести въ неволю три авантюриста“. Для него эта роль вопросъ факта, надо только объяснить, „какъ во Франціи классовая борьба породила такія условія и отношенія, которыя дали возможность личности заурядной сыграть роль героя въ *coup d'état*“¹⁾.

Толстой почти отказывается углубиться въ исторію, чтобы на ей почвѣ доказать ничтожность Наполеона. А только вѣдь объ историческомъ величій здѣсь и идетъ рѣчь! Только одинъ разъ, и то вскользь, говорится въ „Войнѣ и Мирѣ“ о „демократическомъ элементѣ, который разносили полчища Наполеона“²⁾, а между тѣмъ, въ этомъ „элементѣ“ вся тайна успѣха Наполеона. Надо читать восторженные страницы книги „*Le Grand*“ Гейне, чтобы видѣть, какое воодушевленіе вызывалъ первый Бонапартъ въ народахъ Германіи. Его имя одно время было синонимомъ торжества принциповъ революціи, паденія феодальныхъ путей и побѣдоноснаго шествія права, поэтому то такъ скоро, безъ сопротивленія, почти съ предупредительностью сдавались Наполеону одни города прирейнской Германіи за другими. Наполеонъ вызывалъ среди лучшихъ людей своего времени восторгъ, въ которомъ сливались политическое увлеченіе Наполеономъ, какъ „великимъ бичемъ“, разбудившимъ народы къ новой жизни, съ преклоненіемъ передъ его сильной, почти титанической личностью. Гёте поэтому съ радостью смотрѣлъ на встрѣчу французскому господству въ Германіи, видя въ этомъ торжество свободомыслія, пораженіе ложнаго патріотизма и демонстрацію солидарности культурнаго міра. Увлеченіе Наполеономъ, общее всей передовой Европѣ, сказалось и на русской молодежи, находившейся подъ влияніемъ Запада. Оно сказывается и въ наивныхъ словахъ молодого Пьера, недавно пріѣхавшаго изъ за границы. „Наполеонъ великъ — говоритъ онъ потому, что онъ подавилъ ея (революціи) злоупотребленія, удержавъ все хорошее — и равенство гражданъ, и свободу слова и печати“ и далѣе: „Теперь война противъ Наполеона. Ежели бъ это была война за свободу, я бы понялъ, я

¹⁾ См. „18-ое брѹмэра Луи Бонапарта“ стр. 8. Изд. „Молотъ“.

²⁾ „В. и М.“ Т. IV.